

Г. М. Лановая¹

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРАВЕ (Взгляд через призму общечеловеческих ценностей и «новой этики»)

Проблема толерантности на протяжении последних десятилетий стабильно остается в числе наиболее болезненных и поэтому неизменно вызывает острые дискуссии. Поскольку при этом она перестает быть исключительно этической проблемой, возникает вопрос о том, что собой представляют толерантность и толерантное поведение с точки зрения права.

В этике толерантность предстает специфическим нравственным состоянием личности, характеризующимся принятием «инаковости», терпимым и уважительным отношением к ней. Ценность толерантности как нравственного состояния связано с тем, что ею обеспечивается генерализация моделей межличностного общения, делающих возможным «мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью»². Поскольку право и мораль представляют собой две принципиально разные системы социального регулирования, там, где толерантность начинает рассматриваться через призму права, возникают предпосылки для переосмысления данного феномена. В то же время в силу глубокого взаимопроникновения права и морали предъявляемые человеку правом требования не могут существовать и реализовываться в отрыве от этического контекста, в котором они звучат. В связи с этим сохраняется зависимость между тем решением, которое получает вопрос о толерантности и толерантном поведении в праве, и интерпретацией толерантности в этике.

В той системе, которую принято обозначать термином «общечеловеческие ценности» (подразумевая, что речь идет о ценностях, разделяемых большинством людей в мире и в силу своей предельной значимости выступающих основой поиска консенсуса по вопросам, решение которых зависит от религиозных, политических и иных предпочтений), происходит разграничение толерантности как специфического нравственного состояния личности и толерантного поведения как модели правомерного поведения.

Толерантность воспринимается в качестве результата самосовершенствования человека, его борьбы с собственным высокомерием, воспитания в себе смирения, терпимости, доброжелательности и добросердечия. Толерантному поведению придается значение инструментальной правовой ценности, поскольку оно способствует осуществлению таких универсальных ценностей права, как свобода, равенство, справедливость. При этом речь идет о свободе, равенстве и спра-

ведливости не только для того, в отношении кого демонстрируется толерантность, но и для того, кто сам ее демонстрирует.

Становясь нормой человеческих взаимоотношений, толерантное поведение способствует установлению порядка, в рамках которого оказывается возможным мирное сосуществование носителей различных взглядов и традиций, вне зависимости от того, являются ли сами по себе взаимодействующие люди толерантными. Конечно, идеальным с точки зрения права является такое толерантное поведение, которое обусловливается толерантностью участников социальной коммуникации и в силу этого является добровольным и ответственным. Вместе с тем и толерантное поведение, являющееся конформистским или маргинальным, тоже рассматривается в качестве варианта социальной нормы, поскольку способствует защите тех же универсальных ценностей, что и добровольное ответственное поведение.

Толерантное поведение предстает пассивным правомерным поведением, характеризуется соблюдением людьми запрета на преследование тех, кто имеет иное мировоззрение, демонстрирует поведение, не соответствующее разделяемым ими социальным нормам.

Поскольку в праве субъектами выступают не только индивиды, но и коллективные образования, запрет на нетолерантное поведение распространяется и на них. Если для индивидуальных субъектов вести себя толерантно — это действовать так, будто различий не существует, то для коллективных субъектов, в том числе государства, толерантное поведение означает отказ от ограничения свободы и дискриминации тех, кто высказывает непопулярное мнение.

Как и всякое другое правомерное поведение, толерантное поведение имеет границы, выходя за которые оно превращается в противоправное. Терпимое поведение перестает признаваться правомерным и, следовательно, толерантным тогда, когда его объектом оказываются деяния, с точки зрения самого права выступающие общественно опасными и в этой связи признаваемые противоправными. Например, сотрудники правоохранительных органов проявляют толерантность, не реагируя на высказывания представителей оппозиционных политических партий, однако обязаны реагировать на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, поскольку это деяние в силу своей очевидной общественной опасности запрещено ст. 280 Уголовного кодекса РФ.

В той сетке ценностных координат, которую задает «новая этика», толерантность и толерантное поведение принципиально не разграничиваются. Справедливо фиксируя тот факт, что и первое, и второе могут способствовать утверждению прав человека, плюрализма, демократии и правопорядка, но при этом игнорируя, что право рассчитано на регулирование поведения человека, а не его мыслей, установок и предпочтений, именно толерантность объявляют инструменталь-

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук. Автор 92 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Формы существования базовых типов современного права», «Государственно-правовое принуждение и его место в системе форм правоприменения»; статей: «Сущность современного права: проблемы осмысления», «Корпоративное (внутрифирменное) право эпохи постиндустриализма: особенности и тенденции изменения», «Различия права и морали: ценностный аспект», «Базовые ценности современного права» и др.

² Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 16.

ной ценностью права. В качестве задачи, решаемой последним, позиционируется обеспечение не только и не столько толерантного поведения, сколько толерантности субъектов. В этом плане показательным является содержание ст. 1 Декларации принципов толерантности, принятой 16 ноября 1995 года на 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. В ней среди прочего провозглашается, что толерантность является «активной позицией» («Tolerance is, above all, an active attitude...») и «ответственностью» («Tolerance is the responsibility...»). Одновременно вводится термин «практика толерантности» («the practice of tolerance»), по своему значению принципиально отличный от термина «практика толерантного поведения».

В описываемом контексте оказывается практически невозможным провести границу между толерантным как правомерным и нетолерантным как неправомерным.

Как следствие, во-первых, возникают предпосылки для признания нетолерантным и в этой связи неправомерным любого поведения, в котором могут быть усмотрены проявления того, что его субъект нетолерантен (мысленно осуждает являющегося носителем «инаковости» или испытывает по отношению к нему негативные чувства). При этом не принимается во внимание то, что в действительности нетолерантный субъект может вести себя толерантно в силу того, что такую модель поведения предписывает право, а толерантный субъект может демонстрировать поведение, которое по своим внешним признакам будет казаться другим нетолерантным (подобно тому, как человек, склонный по своим психологическим особенностям к агрессии, может не совершать насильственных преступлений в силу того, что они запрещены нормами права, а человек, не склонный к агрессии, может в азарте командной игры совершать действия, расцениваемые другими игроками в качестве агрессивного поведения).

Во-вторых, отсутствие четких предписаний относительно границ толерантного как правомерного и нетолерантного как неправомерного сбивает человека с толку. Он лишается четких ориентиров, позволяющих понять, какое поведение является дозволенным, а какое — запрещенным. Вместе с тем наличие четких ориентиров, позволяющих отличить правомерное от неправомерного, является условием, в принципе делающим возможным осознанный правовой выбор, а следовательно, и правовое регулирование поведения человека как таковое. В отсутствие таковых все попытки эффективно использовать правовые инструменты для обеспечения «практики толерантности» утрачивают смысл.

В-третьих, размывается представление о критериях толерантности и нетолерантности не только в правосознании, но и в массовом сознании вообще. Императив «поддерживать человека, который в нетолерантном обществе может подвергнуться дискриминации», замещающий под влиянием «новой этики» правило «не осуждать и не дискриминировать того, кто думает не так, как я, уважать его свободу проявлять собственную человеческую индивидуальность», сам постепенно утрачивает свою значимость. Единственно допустимой моделью толерантного поведения становится модель «не проявлять собственную индивидуальность из опасения того, что ее проявление гипотетически может быть воспринято как проявление нетолерантности».

Возникает «культура отмены», которую Р. Аткинсон метко сравнивает с цифровым эквивалентом средневековой толпы, бродившей по улицам в поисках кого-нибудь, кого можно сжечь¹. К сожалению, право оказывается неспособным защитить от этой современной формы остракизма человека, пытающегося свободно выразить свое мнение.

В описываемых условиях обеспечение толерантности и толерантного поведения из инструмента защиты значимых для общества ценностей превращается в фактор, способствующий обратной дискриминации, ограничению свободы и несправедливости. Достаточно вспомнить о тех последствиях, которые имела для Дж. Роулинг ее неосторожная шутка по поводу использования в заголовке статьи выражения «люди, у которых бывает менструация»².

Всеобщая декларация прав человека (1948) провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (ст. 18) и «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их» (ст. 19). Однако в реальности оказывается, что эти права защищаются только в тех случаях, когда речь идет о представителях культурных, религиозных, политических и иных социальных групп, которые гипотетически могут столкнуться к нетолерантным к себе отношением — в силу отличности их представлений и убеждений от получивших наиболее широкое в данном обществе распространение. В то же время любое выражение мыслей и убеждений, маркируемых в качестве «популярных», может быть расценено как демонстрация непримиримого, нетолерантного отношения к тем, кто эти мысли и убеждения не разделяет (уместно вспомнить реакцию на активизировавшуюся в 2013 г. во Франции движение против легализации однополых браков и за защиту ценностей традиционной семьи). В ситуации, когда далеко не для каждого человека безопасным становится проявлять свою индивидуальность, возникают предпосылки для расчеловечивания человека, утраты им того, что дает ему чувство собственного достоинства и выступает духовной опорой в любых жизненных обстоятельствах.

Итак, выводы неутешительны. Под влиянием «новой этики» толерантность и толерантное поведение оказываются частью принципиально новой системы ценностей. Из инструмента обеспечения толерантного поведения право превращается в инструмент, при помощи которого самого человека пытаются сделать толерантным. Однако вместо снятия социального напряжения, возникающего вследствие неоднородности общества, «практика толерантности» создает дополнительные угрозы мирному сосуществованию носителей разных убеждений и традиций, а также предпосылки для расчеловечивания человека и дегуманизации общественной жизни.

¹ Rowan Atkinson: Cancel culture is like medieval mob looking for someone to burn // Sky News : [сайт]. URL: <https://news.sky.com/story/rowan-atkinson-cancel-culture-is-like-medieval-mob-looking-for-someone-to-burn-12180007> (дата обращения: 01.05.2022).

² JK Rowling criticised over 'transphobic' tweet about menstruation // Independent : [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/jk-rowling-tweet-women-menstruate-people-transphobia-twitter-a9552866.html> (дата обращения: 01.05.2022).